

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

Рецензия на фильм «Зоя». К вопросу о теме патриотизма в современном российском кинематографе

Н. П. Пархитко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается критический анализ кинокартины, подготовленной в рамках политики по сплочению российского общества вокруг современной патриотической идеи. В материале автор рассуждает: в чем заключается эта идея и ее новизна? И, главное, – патриотическая ли она? Или же речь идет лишь о примитивной подмене понятий путем топорной замены Подвига советского народа на некую аморфную абстракцию под «соусом» современных «ценностей»? Не пытаются ли нам подменить абсолют Подвига, предложив вместо него дегероизацию, тщательно замаскированную под красивой картинкой и «интуитивно понятным» сценарием? На примере краткого анализа кинокартины «Зоя» 2021 автор старается дать ответ на этот крайне непростой вопрос.

Ключевые слова: Победа, кинематограф, манипуляция, дегероизация, политика.

Для цитирования: Пархитко Н. П. Рецензия на фильм «Зоя». К вопросу о теме патриотизма в современном российском кинематографе. Постсоветские исследования. 2022;5(5):561-564.

Review on the film «Zoya». To the issue of patriotism in modern Russian cinema production

Nikolay P. Parkhitko

RUDN University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Abstract. The article offers a critical analysis of the film, prepared within the framework of the policy of rallying Russian society around the modern patriotic idea. In the material, the author argues: what is this idea and its novelty? And, most importantly, is it patriotic? Or is it just a primitive substitution of concepts by clumsily replacing the Feat of the Soviet people with some amorphous abstraction under the "sauce" of modern "values"? Aren't they trying to replace the absolute of the Feat by offering instead antiheroization carefully disguised under a beautiful picture and an "intuitive" scenario? Using the example of a brief analysis of the film "Zoya" 2021, the author tries to answer this extremely difficult question.

Keywords: Victory, cinematography, manipulation, antiheroization, politics

For citation: Nikolay P. Parkhitko Review on the film «Zoya». To the issue of patriotism in modern Russian cinema production. Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies. 2022;5(5):561-564. (In Russ.)

Предметом нашего научно-диалектического анализа является кинокартина «Зоя» режиссеров Леонида Пляскина и Максима Бриуса. Фильм начинается сразу с выпускного бала, то есть за день до начала войны. Здесь в качестве диалектического отступления автор вынужден констатировать, что современные молодые актеры совершенно не

представляют, как им играть советских ребят довоенной поры. Причем, когда начинаются военные эпизоды картины, этот пробел не столь критичен. Минимальная игра мимикой, усиленная бесконечными спецэффектами и помноженная на динамичную картинку, придают военным сценам относительную убедительность. Но вот мирное, довоенное время им

практически не даётся. Причем, эта проблема характерна не только для «Зои», но и для подавляющего большинства современных картин на военно-историческую тематику. Актёры пытаются изобразить светлых, добрых, оптимистичных ребят, но на выходе получаются великовозрастные, притом, крайне неубедительные полу-роботы с пустым взглядом и заученным текстом. Содержание самого текста оставляет ощущение довлеющей натянутости и эмоциональной неестественности.

Продолжая тему актерского состава, нельзя не отметить, что выбор актрисы на роль самой Зои тоже весьма сомнителен. Внешнее сходство у девушек, по мнению автора, не наблюдается даже с известной долей натяжки. Исполнительнице роли Зои Анастасии Мишиной на момент съемок кинокартины было 27 лет, и на 18 она не выглядит. Более того, героиня смотрится слишком упитанной для военного времени. Итак, первое разочарование: визуальный образ главной героини оказался совершенно неубедительным. Кстати, аналогичным образом изображен и брат Шура, которому по фильму 15 лет, а играет его чуть ли не тридцатилетний актёр с проглядывающий чёрной щетиной, которую гримеры могли бы без труда замаскировать.

Впрочем, мирной жизни отводится лишь чуть более двух минут хронометража. В течение этого короткого отрезка времени зритель должен осознать, что Зоя – обычная девушка, которая жаждет любви. Но вот уже незапоминающийся зрителю возлюбленный Зои добровольцам отправляется на фронт, а через какое-то время приходит похоронка, и она решает мстить, что, судя по сценарию, является ее ключевым мотиватором. Вместе с другими комсомольцами-добровольцами она вступает в диверсионный отряд.

Обучение в диверсионной школе показано невнятно и суетливо. При просмотре эпизодов с подготовкой будущих диверсантов присутствует настойчивое впечатление, что их больше запугивают, чем обучают. Впрочем, когда дело доходит до реальной работы в тылу врага, лучше не становится. Например, перед поджогами в

деревне Петрищево Зоя также участвовала в минировании дороги. И хотя в реальности та операция прошла успешно, и молодые диверсанты отлично справились с задачей, в фильме для нагнетания драмы отряд совершает ряд необъяснимых глупостей, по причине которых случается перестрелка, и часть диверсантов погибает.

Да, этот эпизод теоретически можно оправдать по известному принципу «это же кино». С другой стороны, режиссеры будто намекают, что смотреть на успешные и грамотные действия комсомольцев неинтересно, пусть они ошибаются и погибают, даже если этого не было в жизни.

Разумеется, в фильме присутствует печально известное задание в Петрищево, ставшее для Зои роковым. Как и в реальности, Б. Крайнов, В. Клубков и З. Космодемьянская подожгли в деревне 3 избы. Согласно воспоминаниям очевидцев, равно как и по показаниям самой Космодемьянской, дома подожгла именно Зоя. Но вот в фильме девушка ничего не поджигает. Вместо этого она видит, как из избы выходит малолетний мальчик, и не решается применить зажигательную смесь. Все избы, по фильму, поджигает Б. Крайнов, что является дезинформацией зрителя!

При осмысленном анализе происходящего на экране, иначе как фарсом и умышленным смещением акцентов увиденное нельзя охарактеризовать. Начиная с того, что в разгар допроса Зои в кадре появляется харизматичный немецкий офицер в исполнении уже порядком приевшегося отечественной публике Вольфганга Черни, кочующего из фильма в фильм, словно на работу. Его герой говорит по-русски и даже цитирует Лермонтова. При этом он клишировано легко «ломает» Клубкова, но по непонятной причине испытывает симпатию и уважение к Зое! Типичный «благородный нацист» (образы которых мы уже неоднократно встречали в Т-34 или в «Девятаеве») едва ли не умоляет девушку о сотрудничестве. Режиссеры всячески подчеркивают его искреннее стремление сохранить ей жизнь. И хотя «благородный нацист» не хочет вешать Зою, но она молчит, стиснув зубы, и ему ничего

другого не остается, кроме как выполнить «непопулярный» приказ. Крестьянка оmyвает пленнице ноги, а наутро мученицу ведут на казнь под заунывный саундтрек «Русская голгофа». В описанном выше наборе сцен автор недвусмысленно усматривает не только аналогию, но практически апологию библейского сюжета. Насколько уместны спекуляции на библейскую тему в истории о советской комсомолке – вопрос риторический...

Автор выявляет ключевой вопрос, ответ на который, по замыслу режиссеров и сценариста должен дать фильм молодому поколению: за что шли умирать советские мальчишки и девчонки? Что ж, фильм дает предельно четкий и прямой ответ, идеально характеризующий, по нашему мнению, главную идею фильма: комсомолка Зоя Космодемьянская, оказывается, сражается «за братика Шурку, за мать, за трамвайчик и булочку ржаную, горячую прямо из печки»... Такой ответ странно звучал бы из уст девушки, назвавшейся именем Тани Соломахи, молодой революционерки, которую до смерти пытали белогвардейцы в гражданскую войну. По мнению авторов фильма, это тут ни к чему, да и белогвардейцы у нас теперь сплошь «герои и спасители святой Руси от большевиков-цареубийц». Такой ответ был немислим от комсомолки, читавшей вслух Маяковского в лесу в тылу врага. Поэтому в фильме не будет ни Маяковского, ни упоминания Тани Соломахи, ни детства Зои с её увлечениями и интересами. Это «лишнее», зато есть эпизод со справляющим нужду немецким солдатом, зато нам покажут, как трясущиеся диверсанты по-звериному жадно зализывают хлебные крошки с грязных пальцев, мародёрствуют, кашляют и стонут, бесцельно шатаясь по лесам. Станут ли такие диверсанты у ночного костра в тылу врага читать вслух пронзительные стихи про город-сад? Авторы твердо отвечают – нет!

Создатели фильма будто пытаются до предела упростить собственную задачу. Ведь если, по их мнению, у главной героини нет никакой личности, то зачем показывать зрителю становление, мотивы убеждения? Вместо этого демонстрируется тяжелый характер, совершенно излишнее в военной

драме подобного содержания любовное вожделение, жажду мести за потерянную любовь и «искупительные муки», местами напомнившие автору хронометраж фильма «Страсти Христовы» 2004 г. Очевидно, что подобные умышленные упрощения выглядят понятнее, а главное – безопаснее для современного зрителя.

В отличие от реальной Зои, Зоя-2020 не будет вслух читать Маяковского у костра в ночь перед заданием и не назовется немцам именем Тани в честь Тани Соломахи, Личность главной героини фильма не говорит зрителю практически ничего ни о её взглядах, ни о её убеждениях. Все, что предлагается в качестве раскрытия образа – это тяжёлый взгляд, сжатые губы и эпичное состригание волос. Истинная комсомолка-патриот не раскрывается никак: ни через диалоги, ни через действия.

Для сравнения – в советском фильме 1944 года нам показывали, как с детских лет в Зое росла любовь к Родине и одновременно с этим формировалась ненависть к фашистам. Сжигание книг, гражданская война в Испании, падение Парижа – всё это вызывало гнев и возмущение юной пионерки, а потом и комсомолки. Это из «Повести о Зое и Шуре», написанной их матерью, Л.Т. Космодемьянской, мы узнаем, что Зоя выросла на книгах Э.Л. Войнич, А.П. Гайдара и Н.А. Островского, на идеалах товарищества, честности и справедливости, возведённых в Абсолют. Она самоотверженно любила свою Родину и была уверена, что живет в самой правильной и справедливой стране, в которой вместо дворцов, кабаков и модных магазинов строили школы, больницы и институты, в которой всех от мала до велика учили грамоте, чем, кстати, занималась и сама Зоя в рядах Комсомольской организации. Именно в этом, на наш взгляд, заключается единственный ответ, за что сражалась историческая Зоя!

В этом мы видим истинный ответ, почему десятки и сотни тысяч молодых ребят – вчерашних школьников – самоотверженных, честных и бесстрашных рвались на фронт защищать страну! И что самое трагичное – большинство из них

погибли в этой страшной войне в те первые беспощадные и тяжёлые месяцы. Ведь если задуматься, это были лучшие рождённые дочери и сыны молодого социалистического Отечества, воспитанные не для героической смерти, а для созидательной и счастливой жизни, но этой жизни лишившиеся. Таким образом, Зоя – это монументальный пример того молодого, но героического поколения и одновременно символ его утраты.

Вообще, в квазипатриотическом сегменте отечественного кинематографа все очевиднее вырисовывается следующая тенденция: начиная примерно с «Т-34» методология подачи антисоветской пропаганды претерпела эволюцию. Теперь вместо прямой топорной антисоветчины (заградотряды со штрафбатами и ГУЛАГом) нам предлагают, говоря геймерским языком, «аркадный симулятор», в котором оставляют яркую картинку, но тщательно вычищают весь внутренний философский смысл, убирают всю идеологию, втихую подменяя коммунистическую Идею психоделической субкультурой, находящей активный отклик в молодежной среде.

Фильм «Зоя» - пример яркого и опасного пустышки-симулятора, подменяющего собой в сознании реальные подвиги реальных людей реальной эпохи! С какой целью это делается? Предполагаем, что причина во внутреннем содержании героев, их идеалах и убеждениях, которые не вяжутся с нынешней реальностью идеологического вакуума. Таким образом, налицо классический пример «окна Овертона» с его полярным диапазоном дискурса, где, с одной стороны, сражалась и погибла девушка, «такая же, как все», а с

другой – в качестве мотивации ее поступка нам предлагается трамвайчик и булочка.

Общее впечатление, которое оставляет концовка фильма – гнетущая безнадежность. Фильм поставлен таким образом, будто с гибелью главной героини закончилась война. Да девушка погибла, но ведь уже через 2 месяца все эти деревни будут освобождены. Немцы побегут от Москвы, а фотографии погибшей Зои найдут у убитого нациста. Зоя будет отомщена, а ее подвиг не будет напрасным. Концовка на светлой ноте, по мнению автора, была бы гораздо сильнее, чем голливудски выведенная слеза.

Завершая тему образа Зои, можно с некоторой долей удовлетворения указать на то, что авторам фильма не пришло в голову приписать ей шизофрению и слабоумие, как это с удовольствием делали в перестройку, не утруждая себя верификацией фактов. Да, в данном фильме обошлось без этого, но только картина при этом хорошим произведением отнюдь не стала. Ведь Зоя – не вымышленный персонаж, и её память требует бережного и уважительного отношения, и к ней самой, и к её идеалам. И самым беспроблемным вариантом для сценариста и режиссеров фильма было бы пойти именно по этому пути. По факту же образ Зои Космодемьянской в указанной картине не только не раскрыт, но и грубейшим образом искажен в сторону примитивизма и маргинализации, что, к сожалению, вполне вписывается во все еще господствующую в отечественной киноиндустрии практику дегероизации Подвига Советского народа в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пархитько Н.П. Десоветизация Победы // Правда №51 (31254)

REFERENCES

Parhit'ko N.P. Desovetizacija Pobedy // Pravda №51 (31254)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пархитько Николай Петрович, к.и.н., доцент кафедры Теории и истории журналистики РУДН, член Российского военно-исторического общества (РВИО). Москва, Россия, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Nickolay P. Parkhitko, PhD in History, Associate Professor of the RUDN University, member of the Russian Military and Historical Society (RVIO). Moscow, Russia, e-mail: scharnchorst@mail.ru